

Забег Гарри по коридорам Хогвартса наверняка вошел бы в историю школы благодаря установленному им рекорду скорости. Увы, в данный момент некому было зафиксировать столь великое достижение, так что действия Поттера остались неизвестны человечеству. Схватив мантию-невидимку, Поттер накинул ее на себя и бросился на второй этаж, где его должны были дожидаться Рон и Гермиона. Стремительность Поттера принесла свои плоды, и в большой зал троица гриффиндорцев, укрытая мантией, вошла почти одновременно с профессором Дамблдором.

Дети потихоньку пробрались поближе к столу с лежащим на нем разоблаченным анимагом, возле которого молча стояли преподаватели. Лишь профессор Снейп шипел что-то сквозь зубы, баюкая поврежденную руку.

— Похоже, это действительно Питер Петтигрю, — задумчиво произнес Дамблдор после того как чуть не две минуты внимательно рассматривал пленного волшебника. — Как я помню, когда объявили о его гибели, то писали, что от Питера остался один только палец.

Профессор кивнул на руку волшебника, и Гарри заметил, что на ней действительно не хватает указательного пальца.

— Выходит, он отрезал его себе, чтобы имитировать гибель, — лицо профессора МакГонагалл выражало крайнее недоумение. — Но зачем ему это понадобилось?

— По-видимому, он очень боялся чего-то, — Дамблдор еще раз внимательно оглядел Петтигрю. — Мы с профессорами МакГонагалл и Снейпом доставим его ко мне в кабинет и выслушаем, что же заставило его так усиленно прятаться.

— Может быть, стоит известить министерство? — профессор Флитвик нахмурился, что случалось с ним нечасто. — Думаю, ДМП наверняка заинтересуется этим волшебником.

— Безусловно, профессор, безусловно, — директор одним взмахом палочки уложил неподвижное тело на наколдованные буквально на лету магические носилки. — Но, разумеется, лишь после того, как я разберусь в ситуации.

Не вдаваясь в дальнейшие споры, Дамблдор с пленником направился на выход из зала. За ним поспешила декан Гриффиндора, а профессор Снейп, после того как Дамблдор что-то сказал ему тихим голосом, выйдя из зала, быстро пошел в направлении подземелий. Гарри, прекрасно понимая, что в кабинет директора ему не попасть, решительно повел друзей вслед за профессором Локхартом, который сначала пошептался о чем-то с профессором Вектор, а затем неспешно двинулся в сторону своего кабинета.

Обогнув очередной угол полутемного коридора, Гарри увидел, что впереди никого нет. Судя по всему, профессор пошел быстрее, и, чтобы не отстать, Гарри тоже увеличил скорость. Как оказалось, сделал он это абсолютно напрасно, так как спустя всего пару шагов его ноги наткнулись на веревку, и троица гриффиндорцев дружно приняла горизонтальное положение, образовав показательную кучу-малу.

— Интересно, Поттер, сколько раз нужно напоминать тебе о необходимости смотреть под ноги, — из ближайшей ниши появился Локхарт. — Право, как ребенок.

— Э... добрый вечер, сэр, — Гарри испытал серьезное разочарование, так как до последнего момента ему казалось, что они классно замаскировались. — А как вы нас обнаружили?

— По шуму, Поттер, по шуму, — профессор аккуратно помог подняться Гермионе. — Вы мало того, что топали как стадо буйволов, так еще и дышали так, что меня чуть ветром не сносило.

— Извините нас, сэр, — Гермиона уставилась в пол. — Мы просто хотели поговорить с вами...

— А подойти к моему кабинету и постучаться было бы слишком банально? — хмыкнул преподаватель. — Ладно уж, пойдете, любители приключений.

* * *

Как заподозрил Фенелли, у Гарри скопилось немало вопросов по поводу разоблачения Петтигрю, и Карло был рад, что тот решился их задать. Очевидно, доверие, которое он завоевал у ребенка, перевесило обычную его замкнутость. Привыкший, что от взрослых не стоит ждать помощи, Гарри зачастую не мог найти выход из простейшей ситуации, которая не составила бы проблем для более опытного человека.

Хорошим примером служила история с диадемой Рейвенкло. Дамблдор сообщил Поттеру, что одним из крестражей может быть артефакт, принадлежащий либо Гриффиндору, либо Рейвенкло. И задай Гарри вопрос любому из учеников факультета мудрой основательницы, он бы еще на шестом курсе мог уничтожить эту диадему. Но для того чтобы понять, что, гадая на пальцах, информации не получишь, Поттеру пришлось полгода скитаться в палатке по лесам. Да и то, за помощью он обратился в последний момент.

Вот чтобы подобного не случилось в будущем, Фенелли всегда старался как можно более открыто отвечать на все его вопросы. В будущем это поможет Гарри найти поддержку, если не у него, то у кого-нибудь другого. Во всяком случае, Карло на это надеялся.

— Итак, молодые люди, что вы хотели узнать? — Карло уселся в кресло и кивнул детям на стулья.

— Сэр, откуда вы узнали, что Короста — это Петтигрю? — Поттер сходу задал самый опасный вопрос, заработав за излишнюю прямоту недовольный взгляд от Грейнджер. — Вы ведь знали заранее?

— То, что это именно Петтигрю, я не знал, — с самым честным видом соврал Карло. — Но то, что с этой крысой не все в порядке, безусловно, подозревал. И как раз благодаря тебе, Гарри, у меня возникли первые вопросы относительно ее.

Во время каникул Фенелли якобы невзначай завел разговор о домашних любимцах Поттера и его друзей. И Гарри, конечно, сообщил ему о крысе Рона, которая уже десять лет жила в семье Уизли. Благодаря этому Карло теперь не составляло труда объяснить свои знания, не раскрывая правды.

— Но ведь я почти ничего о ней не сказал! — удивился Гарри, на которого с недоверием смотрел Рон, видимо, заподозривший друга в интригах против Коросты и в утаивании важной информации.

— Ты упомянул ее возраст, — пояснил Фенелли. — И если ты не в курсе, крысы обычно живут два-три года. Конечно, и среди них встречаются долгожители, тем более, если животное волшебное, но не до такой же степени. Правда, вначале я подумал, что родители мистера Уизли продлили ей жизнь «волшебством», доступным даже обычным людям. Все же умножать сущности сверх необходимого не есть хорошо.

— Маглы тоже могут колдовать? — Рон пораженно посмотрел на преподавателя. — Но ведь это же невозможно.

— Ну, «волшебством» это было бы только с твоей точки зрения, — Фенелли с удовольствием отметил, что на лице Гермионы появилось понимание. — Думаю, мисс Грейнджер нам расскажет о нем.

— Когда для маленьких детей заводят хомячка или другое маленькое животное, — затараторила девочка, обрадованная возможности показать свои знания и сообразительность, — то если оно умирает, а родители не хотят расстраивать ребенка, они покупают ему точно такое же. Мелкие животные очень похожи друг на друга, и ребенок думает, что это один и тот же хомячок.

Рыжий гриффиндорец, вытаращив глаза, уставился на подругу. Похоже, подобные манипуляции казались ему даже более невероятными, чем магия.

— Именно так, мисс Грейнджер, — Карло вернулся к обсуждаемой теме. — Но все же на всякий случай я решил проверить эту крысу, благо представился подходящий случай. И когда сегодня я вносил ее в зал, то был почти уверен, что это не просто крыса, а скрытый анимаг.

— Профессор, но вы ведь могли проверить это и без того, чтобы собрать всю школу? — проницательно заметила Гермиона. — Почему же тогда вы решили сделать это публично?

— Признаться, я решил совместить приятное с полезным, — улыбнулся Фенелли. — Так у меня появился прекрасный сюжет для будущей книги. Если описать все события, дополнив их

красочными деталями, не относящимися к делу, то множество людей узнает, как следует правильно применять «Верам Формам».

— А что за детали, сэр? — поинтересовался Гарри, безуспешно стараясь скрыть ухмылку. По ходу жизни у Фенелли, Поттер прочитал пару книг Локхарта, посвященных полезным в обиходе чарам. И даже в них доблестный литератор не забыл вставить романтические пассажи, столь милые сердцу домохозяек.

— Влажные ноздри кошки чувственно затрепетали, — начал вдохновенно декламировать Карло, — а ее гибкое тело грациозно изогнулось под нежным шелковистым мехом...

Гарри и Гермиона, не выдержав, рассмеялись. Фенелли достаточно удачно изобразил стиль Локхарта и теперь наслаждался, наблюдая широко раскрытый рот Уизли, который непонимающим взглядом смотрел на странного профессора. Судя по всему, Рон не удосужился ознакомиться с творениями модного писателя, и подобные словесные кружева для него были внове.

— Профессор, а почему Снейп так взъелся на этого Петтигрю? — Гарри, похоже, не пропустил ничего из устроенного Фенелли представления. Хотя, следует отметить, что на подобную реакцию зельевара Карло никак не рассчитывал. — И профессор МакГонагалл его узнала.

— Во-первых, не Снейп, а профессор Снейп, — Карло не забывал про дисциплину. — А во-вторых, Питер Петтигрю учился в школе вместе с твоим отцом и был одним из его друзей. Их четверка была знаменита на всю школу, в нее, кроме Джеймса и Питера, входили Сириус Блэк и Ремус Люпин. И их компания дружно враждовала с Северусом Снейпом.

— Но Сириус Блэк же был упиванцем! — Рон, которому наконец представился случай показать, что и он кое-что знает, не мог им не воспользоваться. — Его считают главным помощником Того-Кого-Нельзя-Называть.

— Мистер Уизли, упиванцами не рождаются, ими становятся, — Фенелли жестом попросил помолчать пытавшегося что-то сказать Поттера. — И к тому же, насколько мне известно, основным обвинением против Блэка было как раз убийство Петтигрю. А раз он жив, возникает много вопросов.

— Гарри, профессор Дамблдор не зря тебе говорил, что профессор Снейп боролся с Волдемортом, — Гермиона недовольно поморщилась, видя, как дернулся Уизли при упоминании имени темного мага. — Вот видишь, как он ненавидит его слуг и даже тех, кого только подозревает!

— Ну, тогда я могу считать себя главным соратником Волдеморта. Он не выносит меня с того момента, как впервые увидел, — Гарри недовольно мотнул головой. — Профессор, вы так и не сказали, почему он так взъелся на этого Питера. Мне показалось, что он хочет его убить. Для детской вражды это уж слишком сильно.

— Мистер Уизли, по-видимому, профессор Дамблдор захочет расспросить вас насчет крысы, — Фенелли внимательно посмотрел на мальчика. — Думаю, мисс Грейнджер подскажет вам, как лучше ответить на вопросы директора.

Рон не очень-то понял намек профессора, но Гермиона, разумеется, догадалась, что преподаватель хочет поговорить с Гарри наедине и, встав, потянула Уизли за руку.

— Профессор, простите, но нам с Роном действительно надо срочно идти в гостиную, — Гермиона деловито тянула друга из кабинета. — Мы зайдем к вам как-нибудь в другой раз.

Уизли, похоже, так и не осознал, что происходит, но под напором Грейнджер покинул помещение. Гарри удивленно смотрел на профессора, не слишком понимая, почему Локхарт выставил его друзей. Впрочем, у него хватило такта, чтобы дожидаться, пока профессор объяснит свои действия.

— Что касается отношения профессора Снейпа к воскресению Петтигрю, это весьма личный вопрос, причем непосредственно касающийся тебя, — вздохнул Фенелли. — Ты ведь уже знаешь, что твоя мама и профессор Снейп в детстве были друзьями?

— Вообще-то я думал, что они были просто знакомы, хотя даже это удивительно, — нахмурился Поттер. — И если они дружили, то почему же он так ненавидит меня?

— Это же очевидно, — Карло невольно отвел глаза в сторону. — Твоя мама в итоге вышла замуж за Джеймса, врага Северуса, и ты служишь ему живым напоминанием о его поражении. Лили этим показала, что Джеймс лучше его.

— Не удивительно, что мама предпочла папу, — Гарри недоуменно пожал плечами. — Кому нужен этот сальноволосый тип?

— Поттер, не забывай, что ты говоришь о профессоре, — Фенелли строго посмотрел на него. — И что характерно, выбор Лили был далеко не очевиден. Первые годы в школе отношения Эванс и компании Поттера были примерно такими же, как у тебя с Гермионой до памятной истории с троллем. Правда, Лили было легче, так как ее всегда поддерживал Северус.

Ошарашенное лицо Поттера абсолютно точно отражало смутение мальчика. Он-то прекрасно знал, как тяжело было Гермионе первые недели в школе. И представить себе, что его мама жила так не два месяца, а несколько лет, было очень сложно. А тем более знать, что вместо его, Гарри, и Рона, Лили поддерживал лишь мрачный зельевар.

— А что помогло маме подружиться с папой? — Гарри жадно смотрел на Фенелли. — Там тоже была история, которая помогла им сблизиться?

— Нет, они просто повзрослели, — Карло удивлялся наивности Поттера. — И Джеймс наконец-

то заметил, что Лили очень красивая и умная девушка. А потом научился показывать свои симпатии более-менее адекватным образом. Не случись у тебя в прошлом году встречи с троллем, ты бы тоже к пятому курсу обнаружил, что Гермиона замечательная девушка, даже не будь она твоим другом.

Гарри густо покраснел, видимо, представив себя и Гермиону в виде пары. Карло мог бы поклясться, что до сих пор он даже не думал о каких-то отношениях с девочками, выходящих за рамки дружеских. И живя так, как описано у Роулинг, было бы крайне удивительно, если бы он заранее приобрел хоть какие-то знания в этом вопросе. И закономерным результатом стало то, что он с легкостью поддался первой же девушке, которая всерьез решила окрутить его. Карло полагал, что Гарри пойдет на пользу, если он уже сейчас начнет задумываться о будущих отношениях с противоположным полом. А если он решится задать ему несколько вопросов на эту тему, будет вообще замечательно. Иначе возможным конфидендом Поттера окажется один Сириус, которому еще надо выбраться из тюрьмы и вдобавок прийти в себя после одиннадцати лет Азкабана.

— А что у мамы случилось со Снейпом? — Гарри слегка смутился под строгим взглядом Фенелли. — Простите, профессором Снейпом.

— А у них случилось то же самое, они повзрослели, — здесь Карло пришлось полагаться исключительно на свой жизненный опыт и свои же догадки. — Конечно, я могу ошибаться, так как не особенно-то общался с ними в школе, но думаю, со временем их мнения о том, что такое хорошо и что такое плохо, слишком далеко разошлись. Снейп увлекся компанией будущих упиванцев, которая, как ему казалось, позволила бы ему стать сильнее. А твоя мама была непримирима к тем, кто уделял слишком много внимания чистоте крови.

— Но причем здесь этот Петтигрю? — Гарри решил вернуться к первоначальному вопросу. — Даже если он был другом моего отца, вряд ли профессор Снейп до сих пор так ненавидит его, что готов был убить на месте.

— Волдеморт не смог бы добраться до твоих родителей, если бы не предательство одного из их друзей, — Фенелли оставалось лишь надеяться, что Гарри не станет задаваться вопросом об излишней информированности профессора ЗОТИ. — И до сегодняшнего дня все думали, что предателем был Сириус Блэк, который убил Петтигрю, пытавшегося отомстить ему. Но раз Петтигрю жив, и, мало того, он не решался заявить о себе долгих одиннадцать лет, то, скорее всего, предателем был именно он. А Северус, каким бы неприятным человеком он ни был, до сих пор переживает о смерти Лили. И он, похоже, решил наказать негодяя, не думая о последствиях для себя.

* * *

Когда Гарри покинул кабинет профессора ЗОТИ, ему казалось, что его голова распухла от новой информации. Он был благодарен профессору Локхарту за то, что тот рассказал ему об отношениях его родителей и Снейпа наедине. Конечно, у него не было секретов от друзей, но все же это было слишком личным. По мере рассказа профессора его папа и мама все больше превращались из абстрактных образов в живых людей, которые, оказывается, тоже были детьми и тоже могли дружить и ссориться.

Он вспомнил, как Гермиона плакала на первом курсе, забравшись в туалет, и, представив, что его мама так же могла переживать свое одиночество в школе, ему стало больно. И то, что Локхарт говорил о ее дружбе со Снейпом, не слишком помогало делу. Если единственным человеком, кто хотел дружить с ней, был будущий зельевар Хогвартса, то можно было представить, насколько трудно ей жилось в школе.

Но это было прошлым, а вот то, что разоблаченный профессорами анимаг оказался подлым предателем, было вполне актуальным. Гарри как-то сразу поверил профессору Локхарту, который очень много знал о волшебном мире и который на памяти Поттера ни разу не ошибался. И реакция профессоров МакГонагалл и Снейпа лишь подтверждала слова Локхарта. Гарри до сих пор не задумывался, каким образом Волдеморт добрался до его родителей, которые, судя по всему, умело прятались от него. В этом не было ничего унижительного, так как у Поттеров был маленький ребенок, и им было не до войны.

И получалось, сегодня Гарри увидел человека, который обеспечил ему столь «счастливое» детство. Когда профессор Флитвик заставил маленького толстяка принять человеческий облик, Поттер испытывал лишь интерес к этому подозрительному человечку. Во всяком случае, вся сцена показалась Гарри довольно забавной и вполне тянула в будущем на веселый рассказ. А теперь, зная, кто тот такой, Гарри даже жалел, что Локхарт удержал руку Снейпа. Впрочем, профессор ЗОТИ, по сути, был прав, так как мгновенная смерть была слишком легким наказанием для предателя. Да и зельевару, помня предыдущий год, Гарри хотел бы сделать несколько гадостей, а не сажать его в Азкабан. Тем более что между ними наконец нашлось что-то общее, во всяком случае, и Поттер, и Снейп одинаково ненавидели Петтигрю, и оба с теплотой вспоминали Лили. Точнее, это Снейп вспоминал подругу детства, а Гарри лишь теперь узнавал свою маму, но сути это не меняло.

Наконец Гарри вошел в гостиную Гриффиндора, где застал Гермиону, одиноко сидящую у камина.

— Гарри, что тебе сказал профессор? — подруга торопливо усадила Поттера рядом с собой. — Это как-то касалось твоих родителей? А кстати, Рона и Перси действительно вызвали к директору, Локхарт оказался абсолютно прав.

Поттер улыбнулся, глядя на вечно спешащую подругу. Она как всегда хотела все узнать сразу и одновременно поделиться с ними своими знаниями. А после слов профессора Гарри, глядя на Гермиону, пытался представить себе Лили, какой она была в детстве.

— Ты так странно смотришь на меня, что случилось? — затеребила его Гермиона. — Если профессор Локхарт сказал что-то неприятное, не рассказывай, если не хочешь.

— Нет, просто он немного рассказал о моих родителях, — Гарри было почему-то легче рассказывать о прошедшем разговоре одной Гермионе. Все же Рон не отличался излишней душевной чуткостью. — Профессор Локхарт думает, что этот Петтигрю был человеком, предавшим моих родителей. А Снейп хотел убить его, так как он в детстве дружил с моей мамой.

— Если Петтигрю дружил с твоими родителями и он встал на сторону Волдеморта, получается действительно так, — задумчиво произнесла девочка. — А Рон сказал, что врагом все считали другого друга твоего отца.

— И профессор Локхарт думает, что этот Блэк невиновен, — Гарри вздохнул. — Мне бы не хотелось, чтобы все друзья моего отца оказались предателями.

— Теперь профессор Дамблдор все узнает, — оптимистично заметила Гермиона. — И обязательно расскажет тебе. А что еще говорил профессор Локхарт?

— Ну... он немного рассказал о моей маме, — Гарри невольно опустил глаза. — Он ведь учился в одно время с моими родителями. По его мнению, ты очень похожа на нее.

Если бы Поттер изучал не щели в полу, а лицо своей подруги, он бы обнаружил, что она внезапно покраснела. К несчастью, Гарри был занят исключительно своими мыслями и не обращал внимания на то, что происходит рядом с ним.

— Разве? — неуверенно произнесла Гермиона. — Хагрид же говорил, что она была очень красивой девушкой, в отличие от меня.

— Конечно, профессор Локхарт тоже подтвердил это, — рассеянно произнес Гарри. — Он еще сказал, что ты скоро расцветешь и превратишься в красавицу.

Гарри продолжал упорно смотреть в пол, поэтому превращение лица Гермионы из красного в рко-бордовое вновь прошло мимо его внимания. Поттер по-прежнему думал лишь о Петтигрю.

— Как ты думаешь, профессор Дамблдор расскажет Рону хоть что-нибудь об этом типе? — Гарри наконец поднял глаза на подругу. — Ой, ты вся красная! Ты не заболела? Может быть, тебя лучше пойти к мадам Помфри?

— Нет, Гарри, со мной все в порядке, — отрицая очевидность, отмахнулась Гермиона. — Не думаю, что директор школы что-нибудь сейчас расскажет Рону. Скорее, он сделает завтра объявление для всей школы.

— А если не для всей школы, то преподавателям, по крайней мере, он что-нибудь расскажет, — заключил Гарри. — Ну, а к профессору Локхарту я всегда смогу подойти.

* * *

Сегодняшний день принес Рите Скитер массу острых ощущений. Получив письмо с весьма толстым намеком на знание ее тайны, журналистка восприняла его как личный вызов. Если кто-то думал запугать ее, он жестоко ошибся. Рита боялась лишь одной вещи — потери популярности, а риски, связанные с ее профессией, воспринимала философски, иначе говоря, плевала на них. И как ни удивительно, эта ее безбашенность приносила свои плоды. Уже пятнадцать лет на новостном олимпе волшебной Англии не было звезды ярче, чем несравненная Рита, и за все это время все попытки взять ее за одно место заканчивались полным провалом.

Сидя под потолком большого зала Хогвартса, Рита с интересом наблюдала за суетой, царящей внизу. По крайней мере, в одном ее неизвестный доброжелатель не обманул. В школе и в самом деле затевалось что-то интересное. Зато когда она услышала тему общешкольного занятия, то едва не удрала куда подальше. Но, сжав зубы, или что там было у большого полосатого жука, Рита мужественно осталась на месте, забившись в какую-то щель, но и оттуда продолжая наблюдать за залом.

И ее смелое поведение принесло свои плоды. Вместо того чтобы разоблачать скандальную репортершу, профессор Флитвик явил на свет божий давно умершего Питера Петтигрю. Скитер не ожидала, что, кроме нее, в зале обнаружится еще один незарегистрированный анимаг, но оценила чувство юмора своего неизвестного корреспондента. А вспоминая события, с которыми было связано имя Петтигрю, Рита уже видела очередной выпуск «Пророка», почти полностью заполненный ее статьей. Здесь будут к месту упоминания Того-кого-не-стоит-называть, Гарри Поттера, Сириуса Блэка и Альбуса Дамблдора. Тем более что две из упомянутых личностей сейчас стояли рядом с Петтигрю.

И эти самые личности явно из врожденной вредности не пожелали облегчать Рите работу. Вместо того чтобы дружной компанией тут же на месте допросить раскрытого анимага с пролитием целой бочки крови, Дамблдор коварно потащил Петтигрю к себе в кабинет! Да еще и Поттер унесся куда-то в неизвестном направлении. Прокляв мироздание за неумение раздваиваться, Рита осторожно полетела за Дамблдором, но ее вновь ожидало сплошное разочарование. Чары, установленные на кабинете директора, не пропустили ее внутрь и только чудом не подняли тревогу.

Но раз ни Дамблдор, ни Поттер не пожелали сообщить ей ничего интересного, им же будет хуже. Рита Скитер никогда не отступала перед трудностями и была способна домыслить не только то, о чем человек думал, но и то, о чем он даже не догадывался. Так что и Мальчик-Который-Выжил, и Величайший маг нашего времени завтра узнают о себе много нового, хотя и не все, на что была способна журналистка. Кто бы ни был ее информатор, он явно очень много знал, поэтому ей следовало проявить определенную осторожность в высказываниях. Не хотелось бы портить планы такого человека, даже если он о них ничего ей не сообщил. Все же

Рита всегда чувствовала ту грань, которую не стоит переходить.

Отлетев подальше от школы, Рита превратилась из своей анимагической формы в естественный вид и, не тратя понапрасну времени, аппарировала к своему дому. Проверив охранное заклинание, мисс Скитер убедилась, что в ее отсутствие никто не почтил ее пенаты своим визитом, и, едва войдя в дом, направилась в свой кабинет. Даже с помощью Прыткопишущего пера работа над большой статьей должна была занять немало времени. Не успела она сесть в кресло, как в окно постучалась серая сова. Взяв в руки конверт и увидев, что он подписан тем же почерком, что и письмо, приглашавшее ее в Хогвартс, журналистка хищно улыбнулась. Ее неизвестный конфидент уже обеспечил ее одной сенсацией и, судя по всему, не собирался останавливаться на достигнутом.

* * *

Как и предполагала Гермиона, профессор Дамблдор не стал ничего рассказывать Рону, а задав несколько вопросов, касающихся Коросты, отпустил восвояси. Единственное, что директор сделал: обнадежил обоих Уизли, что тем, скорее всего, не придется повторять свой рассказ для сотрудников министерства. Как важно заявил Перси, директор школы собирался лично провести расследование и лишь затем уведомить министра о его результатах.

Поэтому Поттер, который рассчитывал услышать за завтраком новости от профессора Дамблдора, усиленно тащил друзей в большой зал, едва успев помыться после зарядки. Гермиона лишь насмешливо поглядывала на него, не забывая напоминать, что профессор Дамблдор обычно входит в зал к самому концу завтрака. Но если уж Гарри рвался куда-то, то остановить его было непросто, поэтому, усевшись за стол Гриффиндора, друзья обнаружили себя едва ли не в гордом одиночестве.

Но долго пребывать в подобном состоянии им не пришлось, так как к ним почти сразу под села белобрысая первокурсница с Рейвенкло, подруга Джинни.

— Привет, вы тоже почувствовали, что здесь собралось необычайно много мозгошмыгов? — поинтересовалась девочка, усаживаясь рядом с Гарри. — Сегодня их ожидает большая работа.

Сидящий напротив Рон поперхнулся тыквенным соком, а Гермиона закатила глаза к потолку, услышав очередную ересь о несуществующих животных.

— Привет, Луна, не знаю, какие там дела у мозгошмыгов, а мы точно надеемся услышать что-нибудь интересное, — Гарри позабавила реакция друзей. Сам он, благодаря закалке, полученной у профессора Локхарта, спокойно переносил эту «ненормальность» Луны и ее отца. И даже из вредности подписался на «Придиру». Газета мистера Лагвуда выходила по

субботам, и было весело наблюдать, как кривится Гермиона, когда он с важным видом читал очередные статьи из «искривленной» реальности волшебного мира. — Твой отец случайно не собирается писать статью об этом Петтигрю?

— Боюсь, что воскрешение этого волшебника слишком малозначительная тема для «Придиры», — отмахнулась Луна. — Мы с отцом пишем о действительно важных вещах.

— Например, о том, что министр Фадж является замаскированным гоблином, — едко заметила Гермиона, которая хоть и критиковала несчастную газету со всем пылом фаната здравого смысла, тем не менее, не забывала внимательно прочитывать каждый пришедший Поттеру экземпляр. Разумеется, ссылаясь на то, что ее интересуют лишь волшебные загадки, публикуемые на последней странице.

— Ну, судя по тому, как он любит деньги, его родство с гоблинами представляется весьма вероятным, — рейвенкловка задумчиво поглядела на потолок. — Хотя, возможно, ты права, и на самом деле в нем течет еще и кровь лапрекранов.

Гермиона удивленно уставилась на Луну, но тут в ее глазах появилось понимание. Видимо, постоянные напоминания Гарри о том, что «Придиру» следует читать иносказательно, все же возымели свое действие, и она догадалась о завуалированном намеке. Гарри удовлетворенно подумал, что в следующий раз, когда гриффиндорка обрушит свое негодование на его субботнее чтение, он сможет напомнить об этом подруге. А вот Рон, похоже, даже не пытался задуматься над словами блондинки и лишь корчил рожи, должны показать его пренебрежительное отношение к словам девочки.

— Привет всем, — подошедшая Джинни уселась напротив рейвенкловки, как всегда скромно уткнувшись взглядом в стол. — Луна, что-то произошло?

— Пока ничего, — оптимистично заметила ее подруга. — Но думаю, скоро здесь будет интересно.

Гарри подумал, что понятие «интересно» в устах странной первокурсницы может означать все что угодно, поэтому на всякий случай проверил, насколько хорошо его палочка выходит из кобуры. Зал постепенно наполнялся, но профессора Дамблдора все еще не было. Наконец пришел и он, но вместо того, чтобы сделать объявление о вчерашних событиях, начал намазывать на тост клубничный джем.

Терпение Поттера было не бесконечным, и он с достойным упорством буравил взглядом директора, даже не обращая внимания на стаю сов, влетевших в большой зал, чтобы доставить почту. Но вот его соседи уделяли гораздо больше внимания окружающему их миру, что тут же и не преминуло сказаться.

— Луна, твой отец случайно не стал владельцем «Пророка»? — голос, которым говорила Гермиона, заставил Поттера вернуться к реальности. — Это же полный бред, почище любых мозгошмыгов!

— Как раз мозгошмыги вполне реальны, — наставительно произнесла первокурсница, рассеянно просматривая свой номер главной газеты волшебной Англии. — Как и меч Гриффиндора, за которым вчера якобы бегал Гарри.

— Какой еще меч? — Гарри круглыми глазами посмотрел на первокурсницу. Потом, не дождавшись от нее объяснений, перевел взгляд сперва на Рона, потом на Гермиону. И если рыжий друг лишь недоуменно пожал плечами, показывая тем самым, что он понимает в словах девочек не больше Поттера, то Гермиона просто не замечала Гарри, с гневным видом осматривая зал, в котором все больше людей пялилось на Поттера.

— Гермиона, что случилось? — Гарри решил добиться ясности от подруги, ибо в данный момент не чувствовал желания разгадывать ребусы Луны. — Что там такого написано?

— Эта Рита Ститтер узнала где-то о вчерашних событиях в школе и сочинила в итоге полный бред! — Гермиона все-таки решила просветить его. — По ее словам, ты вчера бросился из зала, чтобы взять тщательно спрятанный тобой меч Гриффиндора. Якобы ты решил лично отрубить голову шпиону, который коварно следил за тобой. А профессор Дамблдор спрятал от тебя Петтигрю, чтобы никто не узнал о твоих правах на наследство основателя. И эта Рита теперь задается вопросом, когда же ты бросишь вызов профессору Дамблдору, дабы по-мужски разрешить вопрос, кто из вас должен управлять школой.

— Э... Гермиона, а ты уверена, что не перезанималась? — осторожно поинтересовался Рон. — Или это чья-то шутка?

— Шутка! — возмутилась Гермиона. — Посмотри на зал, здесь половина народа теперь уверена, что Гарри является наследником Гриффиндора!

— Ну, это же лучше, чем наследник Слизерина! — вступился за друга Рон. — Гарри, а ты и вправду знаешь, где находится меч Годрика? Было бы клево подержать его в руках.

— Гарри не знает, где меч! И Гарри не наследник основателей! — отрезала Гермиона. — И предваряя твой вопрос, Гарри не собирается дуэлировать с профессором Дамблдором ради обретения мифического контроля за школой!

— А к нему еще и мозгошмыги не липнут, — поддержала ее Луна. — Хотя, конечно, увидеть поединок Гарри со столь известным магом было бы интересно. Да и насчет того, что профессор Снейп не хотел использовать Петтигрю в качестве ингредиентов для анимагического зелья, я не уверена.

— А больше там ничего не сказано? — безнадежным голосом поинтересовался Поттер. — Ну, к примеру, что я тайный вампир или кто-нибудь еще?

— Про тебя нет, — Гермиона еще раз бегло осмотрела газету. — А вот про то, что в убийстве Петтигрю обвинялся Сириус Блэк, здесь написано. И эта Рита обещает разузнать, кто мог

стоять за арестом Блэка, и кому было выгодно его устранение. Причем она вроде бы делает какие-то намеки, но я не понимаю, какие.

Теперь Поттеру хотелось услышать профессора Дамблдора в десять раз больше. По его мнению, умолчания директора лишь разжигали слухи. И один Мерлин знал, до каких пределов они дойдут. И ладно ученики, но профессора тоже перешептывались, явно обсуждая статью в «Пророке».

Наконец профессор Дамблдор встал, привлекая к себе внимание, и в зале постепенно установилась тишина. Однако начать речь у директора не вышло, так как в этот момент двери зала широко распахнулись, и в него буквально влетел маленький толстый человечек в смешном наряде, в котором Поттер узнал министра Фаджа. Он не раз видел его на колдографиях в газетах, а вот вживую им до сих пор встречаться не приходилось. Вслед за министром бодро шествовало несколько человек.

— Профессор Дамблдор! — на весь зал завопил Фадж. — Я прибыл в Хогвартс, чтобы разобраться в истории с якобы воскресшим Питером Петтигрю.

— Я как раз собирался сообщить всем, что вчера произошло, — директор недовольно посмотрел на тройку сурового вида мужчин, следовавших за министром вместе с пожилой женщиной со строгим лицом, чем-то напоминавшим лицо профессора МакГонагалл. — Конечно, я более подробно доведу до вас всю информацию в своем кабинете, но пока предлагаю вам задержаться на пять минут в зале.

Фадж несколько секунд изучающим взглядом смотрел на профессора Дамблдора, а затем, нехотя кивнув, встал вместе со своими людьми сбоку от преподавательского стола.

— Итак, вся школа знает, что вчера благодаря усилиям профессоров школы был обнаружен пробравшийся в нее тайком анимаг, оказавшийся считавшимся погибшим Питером Петтигрю, — медленно начал свою речь директор. — Нам удалось выяснить, что он является преступником и уже более десяти лет скрывался от волшебного правосудия. Но теперь он будет передан в руки сотрудникам министерства для проведения официального расследования. И до официального окончания расследования прошу не обращать внимания на все те слухи, которые распространяют газеты.

Директор с величественным видом сел на место, а Гарри с неудовольствием подумал, что профессор Дамблдор лишь подогрел интерес детей к этой теме. Теперь несчастную статью в «Пророке» прочитают даже те школьники, кто до этого момента никогда в руки не брал волшебную газету. И самое главное, Гарри услышал лишь намек на то, что этот Петтигрю был человеком Волдеморта и ничего не узнал про Сириуса Блэка. Оставалось лишь надеяться, что профессор Локхарт поделится с ним свежей информацией.

Если Гарри Поттер надеялся, что профессор Дамблдор поделится информацией о Петтигрю хотя бы с преподавателями, то Карло Фенелли был уверен, что ничего подобного не произойдет. И он не ошибся, так как директор хранил молчание не хуже каменного сфинкса. Хотя, конечно, появившись у Карло возможность всерьез допросить директора, тот бы выложил все, так как армейский опыт форсированных допросов захваченных боевиков никуда не делся. Увы, но это было нереально, во всяком случае, в ближайшее время.

Кое-что о мыслях директора, скорее всего, знали Снейп и МакГонагалл, но ожидать от них откровений было бы слишком большой наивностью. Но, по крайней мере, Карло теперь не переживал, что дело Петтигрю удастся спустить на тормозах. Министр Фадж, которого Дамблдор не спешил информировать о происходящих в школе событиях, видимо, обиделся на директора школы, и теперь Департамент магического правопорядка усиленно рыл носом землю, пытаясь разобраться с этим делом.

Эту информацию Фенелли удалось получить, наведавшись вечером четверга в один из баров Косой Аллеи, который мог считаться штаб-квартирой Лиги борьбы с темными силами. Проще говоря, там по вечерам собирались авроры и люди, являющиеся членами Лиги и под пиво болтали о том и о сем. И если вы хотели узнать, чем сейчас занимается ДМП, вам не надо было, изображая шпиона, тайком проникать в министерство, чтобы добыть жутко секретные бумаги, а достаточно было провести здесь вечерок. Правда, посторонним тут были не рады, но, к счастью, Локхарт являлся почетным членом Лиги, так что проблем с посещением этого места у него не было. Кстати, как понял Фенелли, именно сидя здесь, писатель в свое время и узнал кучу подробностей о реальных буднях мракоборцев, которые и делали его книги довольно правдоподобными.

Поэтому, когда в пятницу вечером к нему в кабинет явился Поттер, разумеется, вместе с друзьями, Карло был готов к разговору.

— Профессор, мы хотели зайти к вам вчера, но вас не было, — Гарри со вздохом уселся на предложенный стул. — Нам и так хотелось узнать новости об этом Петтигрю, да еще и эта статья в газете...

— Да, Рита, конечно, развернула свою фантазию с завидным размахом, — Карло демонстративно фальшиво посочувствовал Гарри. — Вот только непонятно, на что ты жалуешься. Имя Годрика Гриффиндора у волшебников прочно ассоциируется со светлой магией, так что тебе этот образ никак не вредит.

— Но никто и не думал, что Гарри может быть темным магом! — возмутилась Гермиона. — Ведь это же полный бред, он же остановил Волдеморта, какая уж тут тьма!

— Официально все так, а вот неофициально шепчутся немного о другом, — Фенелли внимательно посмотрел на засмущавшегося Рона. — Что, возможно, Гарри потенциально еще более темный маг, чем был Волдеморт, поэтому тот и развоплотился, напав на Поттера. Так

что светлый имидж Гарри не повредит.

— Мои родители всегда говорили, что эти слухи — полная чушь, — нехотя буркнул Рон. — Хотя многие к ним прислушиваются.

— Ты что, и вправду думал, что я мог бы быть темным? — Гарри удивленно посмотрел на друга.
— И что еще обо мне говорили?

— Ну... что Дамблдор растит из тебя великого мага, второго Мерлина, — Уизли поежился под колючим взглядом Поттера. — Но я-то знаю, что это не так! И я никогда не считал тебя темным!

— Ты знаешь, и я знаю, — вздохнула Гермиона. — А вот большинство волшебников нет. А вот представь, распределила бы его шляпа не в Гриффиндор, а в Слизерин, что бы все говорили?

— Ну, это полная чушь! — весело отмахнулся Рон. — Гарри и Слизерин — это вещи не совместимые!

— Между прочим, учиться на Слизерине еще не значит быть темным магом, — Фенелли строго оглядел ребят, старательно делая вид, что не замечает смущения Поттера. — Точно так же, как быть змееустом — не одно и то же, что мечтать стать темным властелином.

— Ну, тут-то верная примета, сэр! — попытался возразить Рон. — Ведь и сам Слизерин, и Тот-Кого-Не-Называют были змееустами!

— А еще они были англичанами, вот вам еще один «верный» признак, — съехидничал Фенелли, давая время Поттеру взять себя в руки и перестать краснеть. — А вот Грин-де-Вальд им не был, как не был и змееустом, а на его совести больше смертей, чем у тысячи Волдеморов. Зато вот британец Мерлин говорил со змеями, но это ни в коей мере не сделало его темным магом.

— Точно, про Мерлина я читала где-то, но не придавала значения, — Гермиона приняла задумчивый вид. — Хотя странно, что маги этого не замечают.

— А люди вообще обращают внимание не на те вещи, — поддержал ее Фенелли. — Вот, например, в известной вам статье был упомянут Сириус Блэк, но все предпочитают обсуждать меч Гриффиндора, а не судьбу живого человека.

— Ой, профессор, я как раз хотел вас спросить о нем! — засмутился Гарри. — Мне бы хотелось верить, что он окажется невиновным. А то получается, все друзья отца были...

— Ну, здесь я могу кое-что рассказать, — Карло прекрасно понял Поттера. — Как раз вчера я узнал, что он был привезен из Азкабана в Лондон. И, возможно, сейчас министру уже известно, виновен он в тех преступлениях, в которых его обвиняли, или же нет.

— Профессор, а о чем хотела сказать Скитер, когда говорила, что узнает, кому было выгодно, чтобы Блэк сидел в тюрьме? — осторожно задала вопрос Гермиона. — Я так и не поняла, какой был смысл в этом.

— Вообще-то Сириус Блэк был очень богатым человеком, — хмыкнул Фенелли. — И как всякий чистокровный волшебник, имел массу родственников в волшебном мире. А так как семья Блэк всегда считалась сторонниками темной магии, нетрудно догадаться, что и многие из этих самых родственников были отнюдь не законопослушными гражданами. Вот тут и возникает вопрос, кому была бы выгодна смерть молодого наследника огромного состояния.

— Небось его родственники — это Малфои — как ни странно, на этот раз неприязнь Рона к этому семейству позволила ему сделать правильную догадку. — Они-то вон как гордятся своей чистокровностью! Хотя сами всего четыреста лет как известны в Англии. А Узли были магами и во времена основателей!

— Может быть, может быть, — Карло как раз собирался просветить Гарри насчет кое-каких вопросов, а тут подвернулся подходящий случай. — У меня как раз завалась книга «Кто есть кто в магическом мире», так что вы мне к следующей субботе и расскажете, кто являются ближайшими родственниками этого человека.

* * *

Как оказалось, ближайшим родственником мужского пола Сириуса Блэка оказался как раз Драко Малфой. Рон, когда обнаружилось это обстоятельство, очень долго радовался тому, что он не зря подозревал Малфоя во всех грехах, пока не выяснилось, что следующим ближайшим родственником Блэка был, собственно, мистер Поттер. Сам Гарри, который до этого момента считал, что его семья была абсолютно «светлой», сильно удивился этому обстоятельству и, призвав на помощь Гермиону, постарался узнать, кто еще является его родней. К немалому облегчению Поттера, среди его родичей обнаружили и Невилл Лонгботтом, и сам Рон, хотя, конечно, Узли были уж очень дальней родней.

— Ничего удивительного, — авторитетно заявила Гермиона. — Волшебный мир очень узок, так что все чистокровные семьи состоят в родстве между собой. Та же ситуация была и у аристократии обычного мира, пока она совсем не выродилась.

— Эй, что значит «выродилась»? — обиделся Рон. — Не забывай, моя семья тоже чистокровная, и мы совсем даже не выродились!

— Ты должен понимать, что это правило действует статистически, поэтому применять его к конкретным людям абсолютно некорректно! — Гермиона посмотрела на физиономии друзей и,

видимо, догадалась, что до ребят не совсем дошел смысл ее слов. — Хорошо, если говорить по-простому, то это значит, что в каждом следующем поколении магов они будут становиться все слабее и слабее. Но среди них вполне могут появляться отдельные мощные фигуры типа профессора Дамблдора.

Такая трактовка идей подруги показалась Поттеру более понятной и вроде бы находила подтверждение в его собственном опыте. Предыдущие поколения волшебников создавали удивительные артефакты вроде зеркала «Еиналеж» или его мантии-невидимки, а для современных магов эти вещи казались чудом. И Гарри не особенно верил, что нынешние волшебники смогли бы создать что-нибудь подобное Хогвартсу.

* * *

Судя по всему, Люциус Малfoy догадался, что спонсирование прессы, а точнее отдельных работниц пера, является благим делом, поэтому Рита не стала публиковать теорию о том, как злобный родственничек попытался наложить лапу на капиталы Блэков. Вместо этого она обрушилась на Крауча и Дамблдора, допустивших беззаконие в отношении вполне достойного и к тому же подающего большие надежды юного мага. Если бы Карло заранее не знал, что Скитер пишет о Сириусе, понять, что она описывает именно его, было бы весьма проблематично. Слишком уж светлым и непорочным вышел этот образ. А уж кем-кем, но ангелом Сириус точно не был.

Что характерно, Риту абсолютно не смущало то, что министерство еще ничего не сказала по поводу мистера Блэка. Заверений уже проверенного информатора в достоверности сведений, подкрепленных солидным чеком, оказалось вполне достаточно, чтобы мисс Скитер смело сочла Сириуса заведомо невиновным. Тем более что репортерша не забывала где надо вставлять незаметные «возможно», «скорее всего», «как сообщил доверенный источник» и тому подобные обороты, дабы ее при любом исходе нельзя было привлечь хоть к какой-нибудь ответственности.

Гарри, прочитавший, что невинный узник Азкабана не только его достаточно близкий родственник, но вдобавок еще и крестный отец, не замедлил прибежать к Фенелли за подтверждением этих сведений. Карло заявил, что слышал подобные вещи, но посоветовал ему обратиться с этим вопросом к своему декану, которая точно была в курсе дела. Неизвестно, что ему сказала МакГонагалл, но во время приемов пищи Фенелли теперь имел возможность наблюдать, как Поттер бросает недовольные взгляды на нее и на Дамблдора.

Не прошло и недели после того как Рита написала свою статью о Блэке, как министерство все же разродилось официальной информацией о том, что Сириус Блэк был признан невиновным во вменяемых ему преступлениях и сейчас проходит курс восстановления здоровья в Святом Мунго. Что характерно, в заявлении министерства не было ни слова о компенсации человеку

его загубленной молодости или наказании виновных в подобном произволе.

* * *

Не веря себе, Сириус Блэк смотрел на строчки письма, написанные детским почерком. После нескольких дней, проведенных в лечебнице, он чувствовал себя довольно сносно и уже не походил на обтянутый кожей скелет, каким он был в Азкабана. Отлеживаясь в постели после приема множества зелий — как обычно, не слишком-то вкусных — он от нечего делать перебирал пришедшие ему письма. Большинство из них были поздравлением с восстановлением справедливости как от тех, кого он знал, так и от совершенно незнакомых ему людей.

Сириус, как ни странно, почувствовал себя лучше после того, как прочитал их, так как привык за последние годы думать, что он абсолютно никому не нужен, и получить нежданную поддержку было приятно. Не забыли его и родственники, во всяком случае, те, что были на свободе. На холодное поздравление кузины Цисси он ответил столь же формальной благодарностью, зато Андромеде написал большой теплый ответ. Ну, насколько Сириус вообще был способен писать письма.

А вот письмо крестника заставило Блэка всерьез задуматься. Тот писал, что очень рад тому, что его крестный отец оказался невинным человеком, и извинялся, что не может приехать и навестить его, так как директор не разрешил ему покинуть школу. Кроме того, он выразил надежду, что Сириус найдет возможность навестить его в школе, так как Гарри хотел расспросить единственного доступного друга его родителей о Джеймсе и Лили. Кроме того, Гарри подробно описал, как был разоблачен Петтигрю, на тот случай, если Блэку никто ничего не сообщил.

С учетом того, что сотрудники ДМП не проявляли к Блэку излишнего дружелюбия, как, впрочем, и он к ним, до сих пор единственной доступной информацией о поимке Питера была лишь статья в «Пророке», которой Блэк был не склонен доверять. Так что описание Гарри пришлось весьма кстати, и Сириус, перечитывая его, испытывал некоторое удовлетворение от того, что предатель получил, кроме всего прочего, еще и заклинание от Поттера. Жаль, конечно, что сам Сириус в этом не участвовал, но не стоит требовать от жизни слишком многого.

Однако кое-какие моменты были Сириусу непонятны. Гарри писал, что лишь несколько дней назад узнал, что Сириус был другом его родителей, его родственником и крестным. И не только о Сириусе, но и об остальных друзьях Джеймса и Лили! Причем узнал не от кого-то из старых друзей Джеймса, а от какого-то Локхарта! Черт побери, Петунья, конечно, недолго любила его и вполне могла из вредности «забыть» просветить Гарри, но ведь мальчик уже год отучился в Хогвартсе! И почему же Дамблдор, МакГонагалл, Хагрид ничего не

рассказали ребенку? Мало того, Поттер писал, что он дружит с одним из Уизли, так неужели же Молли и Артур тоже посчитали ненужным рассказать ребенку о друзьях его родителей? Понятно, они бы не сказали про него ничего хорошего, но это же лучше, чем ничего. Да ладно про него, но ведь еще были и Питер, и Ремус!

До сих пор Сириус думал, что бывшие соратники по Ордену Феникса считают его подлым предателем и проклинают при всяком удобном случае, но все оказалось значительно хуже. Они попросту вычеркнули его из памяти, как будто такого человека и не было. Первые пару лет в Азкабанах Блэк все еще надеялся, что хоть кто-нибудь из них придет и хотя бы спросит «Почему ты нас предал, гад?», но, похоже, по их мнению, он не заслужил даже этого.

Тем не менее, ему было непонятно, куда делся Лунатик, который вполне мог бы гораздо лучше рассказать Гарри о его родителях, чем светловолосый хаффлпаффец, которого Сириус вспомнил с большим трудом. И дело не только в Люпине — ни один орденец до сих пор не написал ему ничего, кроме обычного поздравления с освобождением, как от абсолютно незнакомых людей! Да и написали-то далеко не все.

— Добрый вечер, надеюсь, вы не спите? — в дверях палаты появился смутно знакомый тип. После недолгих размышлений Блэк вспомнил, что видел его портрет на обложке книги, которую читала одна из санитарок, по двадцать раз бурно вздыхавшая на каждой странице. Но как звали автора сего опуса, Сириус так и не удосужился узнать.

— Проходите, я не избалован посетителями, — хмыкнул Блэк. — Эскулапы заявили, что мне вредно волноваться, общаться, вставать и вообще жить.

— Ну, врачи везде одинаковы! — улыбнулся гость, садясь на табуретку рядом с кроватью Блэка. Сам того не подозревая, он уже выдержал первый экзамен, устроенный ему Сириусом. Блэк любил при встрече с незнакомыми волшебниками вставлять в свою речь слова, привычные для обычных людей и незнакомые для магов. Благо общение с Лили обеспечило его весьма богатым арсеналом. По мнению Сириуса, ожидать от упиванцев мало-мальских познаний в магловской культуре не приходилось, так что его метод давал хоть какие-то результаты. А в то беспокойное время это было уже хорошо. Конечно, не все чистокровные маги были на стороне Волдеморта, однако, как говорил один его соратник: «Постоянная бдительность!» — И, кстати, забыл представиться. Меня зовут Гилдерой Локхарт.

Сириус внимательно оглядел человека, с которым, как оказалось, был уже заочно знаком. Он не ожидал, что профессор, о котором с теплотой упоминал его крестник, окажется вдобавок и писателем женских романов, но кому как ни Блэку было знать, что людей без недостатков не существует. Так что гораздо важнее для Сириуса было оценить свои первые впечатления от этого человека. А они были вполне благоприятные. Уверенная походка, внимательный взгляд, отсутствие высокомерия и в то же время почти ощутимая аура надежности.

— Рад вас видеть, — Сириус протянул руку. — Слышал, что вы преподаватель в Хогвартсе.

— Собственно, благодаря этому я и здесь, — мужчина ожидаемо крепко ответил на

рукопожатие. — Один из учеников хотел навестить вас, но не смог, вот и попросил меня проведать вас вместо себя.

— Гарри, — на лице Сириуса сама собой появилась робкая улыбка. — Он писал об этом, но я не думал, что он обратится к кому-нибудь.

— Ничего удивительного, — Локхарт изучающим взглядом посмотрел на Блэка. — Для мальчика вы первая возможность узнать хоть что-то о родителях. Я-то максимум мог ему рассказать, как меня Лили, будучи старостой, десятка баллов лишила.

— Да уж, про это половина школы могла поведать! — рассмеялся Сириус, вспомнив строгую жену своего друга. — Это та, с которой она не сняла по двадцать. Но почему вы говорите, что Гарри некому рассказать о Джеймсе и Лили, в школе же полно наших друзей!

Как оказалось, их так называемые друзья забыли не только о Сириусе, но и о Гарри. Во всяком случае, Сириус очень сильно удивился, что мальчик впервые узнал о волшебстве лишь тогда, когда ему пришло время идти в школу. Конечно, то, что Петунья оказалась отменной стервой, не сильно удивило Блэка, хоть он и пообещал себе хорошенько «пошутить» над старой знакомой. Разумеется, без серьезных последствий для сестры Лили, а то ему и на том свете мало не покажется, когда вновь встретится там с миссис Поттер.

Но то, что ни один из их «друзей» ни разу даже не навестил Гарри, вызывало злость Сириуса. Особенно его удивлял Лунатик, на которого Блэк мог бы рассчитывать как на себя самого. Хотя как раз сравнение с самим собой было, в общем-то, справедливым. Сириус и сам понимал, что если бы он в тот Хеллоуин вместо того, чтобы гоняться за Петтигрю, сделал то, на что и рассчитывали Поттеры, а именно позаботился бы о Гарри, а не доверил его Хагриду и Дамблдору...

Впрочем, вопросы были не только к Ремусу, но и к МакГонагалл, и к другим фениксовцам. Они были единой командой, а вот прикрыть тылы друзей, когда пришел нужный момент, никто не посчитал нужным. На всякий случай Сириус поинтересовался у Локхарта, не знает ли тот, что стало с Люпином, и ожидаемо получил в ответ лишь пожатие плеч. Хотя Гилдерой и упомянул, что от кого-то слышал, что он вроде бы жив и здоров.

— Кстати, а откуда вы столько всего знаете о Гарри? — задал наконец Сириус закономерный вопрос. — Вы ведь совсем недавно ведете занятия в Хогвартсе.

— Мне летом пришлось вытаскивать его из неприятностей с незаконным использованием колдовства. — Волшебники понимающе переглянулись. Дети из обычных семей частенько получали предупреждения министерства. Хотя реально, чтобы тебя исключили из Хогвартса, требовалось получить не два предупреждения, а минимум двести двадцать два. — Так я и познакомился с его родственниками. И если честно, единственной моей мыслью после этого было то, как вытащить его из этого ДурсльКабана. Так что я предложил ему провести месяц перед школой у меня, а он согласился.

Да уж, если ребенок сходу принял приглашение впервые увиденного человека, лишь бы не жить с «горячо любящими» его родственниками, это говорит о многом. В том числе и том, что этот парень сделал то, что должен был делать сам Сириус. И вместо благодарности от магической общественности он вдобавок получил выговор от Дамблдора! У Блэка накопилось немало вопросов к разным людям, и он их, безусловно, задаст. Хотя для начала надо будет не наступать на одни и те же грабли, а наконец-то хоть как-то начать выполнять свой долг перед Джеймсом и Лили. И первым делом встретиться с Поттером, нравится это кому-нибудь или нет. Не зря же он был Мародером! Хотя поговорить кое с кем перед этим все же будет необходимо.

<http://tl.rulate.ru/book/53474/1352696>